

SIHH-2009

__ Piaget Emperador
Coussin Regulator

__ Baume & Mercier
Hampton Classique

__ Ralph Lauren
Stirrup Collection

универсальный двигатель, приспособленный по месту. В настоящем часовом шедевре, считают они, действует архитектурный принцип пространства: механизм и усложнения в конечном счете определяют облик часов. Именно такие часы входят в золотую валюту швейцарских часовщиков, и для перехода в эту категорию марки не жалеют усилий. Разработать свой механизм, свой собственный калибр очень дорого, но усилия окупятся: появление собственного калибра удорожает часы как минимум на треть. Гонка калибров была подстегнута несколько лет назад угрозой Swatch Group, крупнейшего поставщика готовых механизмов, занимающего со своей мануфактурой ETA лидирующее положение на швейцарском рынке. Основатель группы Николас Хайек-старший пообещал закрыть поставки несобранных механизмов и модулей. С их помощью марки, не имеющие своего производства, могли накодировать якобы собственные механизмы. Марки теперь должны честно признать, что ставят в свои часы готовые моторы ETA или Soprod (другой важный поставщик механизмов), или включаться в гонку главных калибров. Если при этом ты не находишься в составе большой группы рядом с соседями, готовыми помочь механизмами или хотя бы готовыми техническими решениями, тебя ждут сложности. Одиноким трудно — за исключением совсем уж мелкотравчатых часовых мастеров, выпускающих крошечными сериями какие-нибудь чудные вещицы.

Шедевры малых женеvцев

Мелкотравчатые в Женеве занимают особое место. В отличие от Базеля, где молодые перспективные часовщики прижимают тебя в темных углах выставочных павильонов, как пушеры в Амстердаме, в Женеве они сидят в богатых отелях на набережной Монблан и принимают гостей, предпочитая давних знакомых. Мы навещаем тех, кто продается в Москве, и все они настроены достаточно благодушно. «Зачем вам на все это смотреть, — смеется глава De Bethune седой Дэвид Занетта, — не надоели вам часы, выпьем лучше винца». На самом-то деле

он знает, зачем смотрят на его удивительные часы, изготавливающиеся мизерными тиражами и продающиеся не дешевле 50 тыс. франков за штучку. Когда Занетта увлекается, он начинает хвастаться своей штучной работой — «никаким Патекам и Бреге» не снилось. Он считает себя поэтом для поэтов, часовщиком для часовщиков, для тех, у кого уже есть все и все равно хочется чего-нибудь нового. У него есть даже время спроектировать к часам собственную машину и поставить ее в гостиничном гараже к завистливому интересу соседских Порше и Мазерати. Компания молодых авангардистов Феликс Баумгартнер и Мартин Фрай представляет новую серию своего инопланетного UGwerk. Вместо прошлогодней медноголовой змеи UGwerk-102 они сделали «тарантула» с черным крестовым механизмом под стеклом и думают о новых часах, заранее окрещенных «кобра». Кажется, что маленьким сейчас лучше всех: их крошечные тиражи в 100–200 экземпляров расписаны на годы, листы ожидания полны, работы невпроворот, два-три часовщика сбиваются с ног, а глава марки выступает и ее рекламным агентом, и маркетинг-директором, и коммивояжером. Глава MB&F Максимилиан Бюссер завершает прославившую его «часовую машину номер один», украшает машину номер два белым золотом и матовой керамикой, совершенствует машину номер три, которую многие часовые специалисты считают самой эффектной из трех. Он бы выстрелил уже четвертым и даже пятым номером, но для этого надо сначала обеспечить желающих обзавестись первыми тремя. Вроде решительной пожилой дамы из Калифорнии, которая летает за его машинами за штурвалом собственного реактивного самолета. С такими клиентками не пропадешь. Когда мы начинаем осторожно насвистывать ему про «нынешние тяжелые времена», он вспоминает стишок, который повторяют в его мастерской: «Notre petite entreprise ne connait pas la crise» «Мелким кризис — наплевать, успевать бы продавать».